

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

**П. П. Марченя,
С. Ю. Разин**

Международный круглый стол
«Крестьянство и власть в истории
России XX века»:
2-я часть

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Kr-vo-vlast-2.pdf>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Павел МАРЧЕНЯ, Сергей РАЗИН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «КРЕСТЬЯНСТВО И ВЛАСТЬ В ИСТОРИИ РОССИИ XX ВЕКА»

2-я часть

начало в № 8 за 2011 год

Международный круглый стол посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы взаимодействия крестьянства и власти как наиболее значимых агентов исторического развития России в XX в. «Крестьянский вопрос» рассматривался как основополагающая проблема россиеведения, в которой сосредоточены все главные конфликты российской истории.

The International Roundtable Discussions are dedicated to the interdisciplinary scientific analysis of various aspects of problem of the interaction of peasantry and authority as the most significant agents of the historical development of Russia in the 20th century. The «peasant problem» was considered as an essential problem of the Russian studies, in which all of the main conflicts of Russian history are concentrated.

Ключевые слова:

крестьянство, власть, крестьянский вопрос, крестьянская община, крестьянское сознание, революция, коллективизация, история России, россиеведение; peasantry, authority, peasant problem, peasant commune, peasant consciousness, revolution, collectivization, history of Russia, Russian studies.

МАРЧЕНЯ

Павел

Петрович –

к.и.н., доцент

Московского

университета МВД

России; доцент

РГГУ; автор/

соавтор и редактор

научного проекта

«Народ и власть:

История России и ее

фальсификации»

marchenyap@mail.ru

РАЗИН

Сергей

Юрьевич –

доцент Института

гуманитарного

образования и

информационных

технологий;

автор/соавтор

и координатор

научного проекта

«Народ и власть:

история России

и ее фальсификации»

razin_sersei@mail.ru

М.М. Кудюкина. Крестьянин по сути – государственный. Он понимает, что любое государственное потрясение приводит к ухудшению условий хозяйствования. Крестьянин поддерживает власть, пока она дает ему возможность развивать собственное хозяйство. Что определяло отношения власти и крестьянства в 20-е гг.? Первое: полное незнание властью реальной ситуации в деревне. Поэтому результаты политики не соответствовали ожиданиям и «благим» намерениям власти. Второе: власть считала, что крестьян нужно втаскивать в «светлое будущее». В 1925 г. власть провозгласила политику «Лицом к деревне!». Власть сначала манила пряником, а затем быстро переходила к политике кнута. В крестьянском мировоззрении существовало противопоставление власти центральной и местной, советской и коммунистической, деревни и города, рабочих и крестьян. Это давало власти возможность для лавирования. Стандартный подход центра – свалить всю вину за все беды на местные власти и представить себя как «доброе царя». Почему отношение крестьян к коллективизации не было однозначно отрицательным? Потому, что власти удалось добиться поддержки со стороны части крестьянства.

И.А. Анфертьев. Не лишним будет обратиться к опыту подготовки модернизационного «рывка» в 1920-е гг., в частности к анализу деятельности Центральной контрольной комиссии РКП(б). На ЦКК возлагалась задача изгонять из партии «случайных» ее членов, ненадежных попутчиков и разочаровавшихся коммунистов. Первый вопрос, с которым столкнулись представители ЦКК в деревне, – вопрос «хозяйственного обрастания». В глазах многих идеалом являлся коммунист, который не имеет собственности. В период комбедов такие получали паек. Переход к энпу болезненно переживался сельскими коммунистами. За годы Гражданской войны собственное хозяйство многих из них пришло в упадок. В этой среде вызывал недовольство член партии, который восстанавливал свое хозяйство. Поэтому ЦКК активно пропагандировала новый облик

деревенского коммуниста, который должен уметь заразить своим хозяйственным примером окружающих и пропагандировать «прогрессивные» формы ведения хозяйства. Однако проверки низового советского аппарата свидетельствовали о том, что на селе, как правило, отсутствовала оргработа по проведению правильной партийной линии в отношении деревни. Методы эпохи «военного коммунизма» продолжали преобладать в работе сельских коммунистов.

В.Л. Телицын. В историографии наличествуют 3 трактовки «военного коммунизма» — традиционалистская, плюралистическая и нонконформистская. К традиционалистам можно отнести тех историков, которые воспринимали «военный коммунизм» как экономическую программу существования России в условиях кризиса, порожденного войнами, интервенцией и блокадой. Традиционалисты отвергали мысль о том, что в политике большевиков могли присутствовать элементы теоретических разработок марксизма. К плюралистическому направлению стоит отнести исследователей, допускавших в «военно-коммунистической» политике смешение вынужденности и обусловленности. В третьем направлении превалирует идея о том, что «военный коммунизм» есть не что иное как реализация большевистских идей на практике. Я хотел бы остановиться на несколько иных аспектах. Политика «военного коммунизма», позволившая большевикам удержаться у власти и имевшая свои плюсы, вызывала массовое недовольство во всех социальных стратах, в первую очередь у крестьянства. Она приводила к росту государственных иждивенцев, бюрократического аппарата и армии, порождала странные коллизии: государство утрачивало свойственный ему классово-эксплуататорский вид и трансформировалось в бюрократическую структуру, где роль «эксплуататоров» отводилась управленцам, действующим по отношению к низам не менее безжалостно, чем представители ликвидированных классов.

П.Ф. Алешкин. В крестьянском протестном движении в России 1918–22 гг. просматриваются общие закономерности. Общность крестьянских выступлений проявилась в их причинах, движущих силах и составе участников, идейной основе, лозунгах, военной организации,

тактике ведения борьбы, а также в методах и действиях государства по их подавлению. Недовольство крестьянских масс стало ответной реакцией. Первоначальные надежды крестьян сменились глубоким отчуждением от большевистской власти. Всей тяжестью политика «военного коммунизма» легла на «среднее» крестьянство. Середняк нес на себе основной груз разверсток. На нем держались и тяготы трудовых повинностей. Недовольство выражала и часть крестьянской бедноты. Ни общий знаменатель — «третья сила», ни термин «бандитизм» не подходят для характеристики повстанческого движения. Многие отряды отличались дисциплиной и организованностью, строгим подчинением вожакам. Созданные повстанцами вооруженные формирования были организованы по аналогии с частями Красной армии. Противоборство повстанцев с последней отличалось ожесточением с той и другой стороны. Крестьянин, решаясь на восстание, прагматично отдавал себе отчет, что обратной дороги нет. Это заставляло повстанцев отчаянно сопротивляться. Летом 1921 г. советское руководство осознало недостаточность военных методов борьбы против партизанской тактики повстанцев, поддерживаемых населением. Для эффективной борьбы с повстанческим движением потребовалось включить не только военно-оперативные и репрессивные, но и экономические и политические средства.

И.В. Гончарова. Выступление хочу посвятить хлебозаготовительным кампаниям 1927–30 гг. в Центрально-Черноземной области. Хлебозаготовительного кризиса в регионе не было. Несмотря на планомерные поставки хлеба, директивы ЦК ВКП(б) требовали добиться решительного перелома в ходе хлебозаготовок. Увеличились финансовые изъятия у крестьян. Фабриковалось большое количество дел с грубейшими нарушениями правовых норм. Следствием хлебозаготовок 1927–28 гг. стали дезорганизация хлебного рынка, обнищание деревни и массовое возмущение. В деревне распространились слухи о войне, с которой связывали надежду на падение советской власти. Летом 1928 г. крестьянство столкнулось с новыми способами работы «под заказ» — контрактацией и закупкой урожая на корню. Хлебозаготовки 1928–29 г. стали круглогодичными. Без

хлеба население осталось уже в начале зимы 1929 г. Опустошение хлебного рынка использовалось властью для наступления на деревню. Весь партийный и советский аппарат мобилизовался на хлебозаготовительную кампанию. Все деревенские общественные организации приводились «в боевую готовность». Устанавливался жесткий контроль над рынком, в административные тиски зажимался весь процесс заготовки хлеба. В ходе хлебозаготовительных кампаний была создана полномасштабная система выкачивания ресурсов из деревни. Ударные кампании разорили зажиточное и среднее крестьянство. Они сопровождались разжиганием социального антагонизма, политической изоляцией кулачества и фаворизацией бедноты. Размытость официальных признаков социально-экономической градации хозяйств давала возможность отнесения к кулацкому любому крестьянского двора, втянутого в рыночные отношения. Контрольная цифра хлебозаготовок должна была накладываться на 20% дворов, при этом предполагалось обсуждение и принятие задания на сельском сходе — власть стремилась инициировать поддержку крестьянства. На местах осознавали, что от позиции бедноты зависит успех проведения кампаний. Стремление превратить деревню в придаток индустриального государства встретило отпор, проявлявшийся в разных формах. За первые полгода 1929 г. в ЦЧО произошло 313 актов насилия со стороны крестьян. Власть удалось сломить сопротивление крестьянства, тем более что его выступления были локальными и разрозненными, а формы пассивного сопротивления превалировали над активными.

Е.И. Демидова. Название нашего круглого стола включает слова «Крестьянство и власть...». Союз «и» подразумевает некие партнерские отношения. Но согласно правде истории отношения между крестьянством и властью были отнюдь не партнерскими. В настоящее время крестьянство пытается адаптироваться к качественно новой ситуации, связанной с вхождением в по-российски специфические рыночные отношения. Современная крестьянская парадигма носит противоречивый характер. А процессы глобализации и результаты либеральных реформ требуют от социума соответствующего качества понимания крестьянства, его

проблем, специфики деятельности и образа жизни. Россия — исторически крестьянская страна. Крестьянин — важнейший субъект, определявший вектор развития страны и ее ментальность, — проявлял свои лучшие качества в поворотные моменты истории. Но взаимоотношения крестьянства и власти всегда носили сложный характер. Партия использовала крестьянство для решения прикладных политических проблем. С целью ликвидации независимости аграриев была осуществлена коллективизация, и затем проводилась жесткая политика во всех сферах крестьянской жизни. В XX в. кардинально изменился и сам крестьянин, его ценностные ориентиры, формы, способы и характер производства сельскохозяйственной продукции. Но неизменной остается социально значимая роль крестьянства. Все важнейшие советские достижения оказались возможными благодаря крестьянству. Место и роль советской деревни в Великой Отечественной войне, масштабы ее последствий полностью не изучены и не поняты. Точных официальных данных о людских потерях деревни за годы войны нет. Только на основе косвенных источников можно предполагать, что погибло более 14% трудоспособного сельского населения. В послевоенный период ускоряется эволюция традиционной крестьянской культуры и духовной жизни, меняется сущность ее человеческого ресурса, разворачивается процесс раскрестьянивания, которое большинство ученых справедливо считают закономерным. Но в нашей стране оно приняло катастрофический характер. Культурная революция изменила ценностные ориентиры крестьянина: сформировалось устойчивое стремление жить, работать и учиться в городе. Крестьянин стремился любой ценой — через армию, через трудовые мобилизации, через разверстки — попасть в город и изменить свой социальный статус. В течение XX в. Россия пережила не одну модернизацию, каждая из которых меняла социально-экономическое устройство общества и всякий раз доказывала, насколько сложным является решение проблемы развития сельского хозяйства. По тому, как решается этот вопрос, вполне возможно судить о базовых гуманитарных основах самого государства, о характере отношений между городом и деревней, властью и крестьянством.

Российскому крестьянству, чтобы быть конкурентоспособным и социально значимым в начале XXI в., необходимо сформировать новую систему экономических отношений и стать не только важным историческим, но и важным социально-экономическим субъектом. Возможности для этого есть. Земли в России много, Россия может стать крупнейшей продовольственной державой. Это требует масштабных инвестиций, системной работы, а главное — рационального знания крестьянских реалий.

С.Ю. Разин. Когда мы в качестве названия нашего стола предложили формулировку «Крестьянство и власть...», то исходили из того, что это главные субъекты российской истории. И от их соотношения зависела судьба страны. К сожалению, наша дискуссия приняла однобокий характер. Многие выступавшие свели крестьянский вопрос к аграрному и говорили только о коллективизации. Такое сужение темы не позволяет нам приблизиться к подлинному пониманию социокультурных механизмов российской истории. Что касается вопроса о коллективизации, то он является частью более общей проблемы — «сталинизм и крестьянство». Бессмысленно рассматривать коллективизацию изолированно от других социокультурных, экономических и геополитических процессов, происходивших в стране и мире в 1920–30-е гг. Если раньше у нас в историографии господствовал большевистский, ленинско-сталинский миф, то сегодня господствует антибольшевистский, антиленинский и антисталинский миф. Большинство выступлений наглядно это подтвердили. Реальная история взаимоотношений власти и крестьянства не укладывается в прокрустово ложе конъюнктурно-мифологических представлений, которые сегодня навязываются обществу. Имела ли Советская Россия шанс на выживание как аграрная страна? Если мы отвечаем на этот вопрос «нет», то тогда нужно признать, что альтернативы проведению ускоренной индустриализации не было. Из Гражданской войны победителями вышли две силы: большевистская власть и крестьянство. Большевики в начале 20-х гг. отстаивали свою власть и преградили дорогу к власти крестьянству. Власть могла провести индустриализацию,

только борясь с крестьянством, но и одновременно опираясь на него. Я убежден, что ставка лишь на насилие привела бы к краху. Причины устойчивости советского режима заключались в том, что он в целом соответствовал крестьянскому массовому сознанию. В большевиках крестьяне увидели «свою», традиционную русскую власть. С позиций антибольшевистского мифа нельзя объяснить тот факт, что Красная армия, состоявшая в годы Великой Отечественной войны на 80% из крестьян, встала на защиту страны и сохранила существовавшую власть.

В.Б. Багдасарян. Я хотел бы несколько слов сказать о судьбе крестьянской общины. На Западе община, основанная на индивидуалистической парадигме хозяйствования, довольно легко распалась. В России она базировалась на коллективистских ориентирах совместной деятельности и при всех попытках ее роспуска воспроизводилась в новых формах. Неизвестным для Западной Европы являлся феномен уравнительного перераспределения земель. В России он получил название «черного передела». Неудачной оказалась и столыпинская попытка демонтажа общинного землевладения. Лишь незначительная часть крестьян приняла решение о выходе из общины. Большинство из них потом вернулись в структуры крестьянского «мира». Создаваемая впоследствии колхозная система во многом репродуцировала традиционную форму социального устройства села. Общинное землевладение соотносилось с национальным идеалом соборного единения. Община брала на себя функции организации вспомоществования всем миром и решение социальных задач. У общины имелись и производственные преимущества над единоличным хозяйствованием. Она обладала большей устойчивостью к воздействию природно-климатических факторов. Выше был ее потенциал в распространении технических нововведений. Общинное хозяйствование предоставляло возможность проведения масштабных аграрных мероприятий. Община обеспечила переход от трехпольной к многопольной системе севооборота. Русский крестьянин традиционно считал, что земля Божия. Всякий собственник воспринимался как узурпатор, разрушитель гармонии общинного миропорядка. Доктрина «черного передела» всегда явля-

лась народным подходом к пониманию аграрного вопроса.

В.В. Бабашкин. В последнее время некоторые историки, развивая идеи В.П. Данилова, пишут о крестьянской революции 1902–22 гг., на фоне которой политическая история России обретает непривычный ракурс. Революционные события показали, что большинство российского населения привержено традиционным общинным формам поведения. Это обрекало политические теории и партии европейского образца на банкротство. Шанс мог быть только у партии, на деле готовой считаться с крестьянской позицией. Большевизм приходил в резонанс с действиями общинников. Он состоял в непримиримой оппозиции ко всем другим политическим силам страны, и это к осени 1917 г. совпадало с настроениями огромного большинства. Крестьянская революция отдала власть в городе большевикам. Но крестьянство заставило коммунистов в 1922 г. признать де-юре победу общинной революции, свершившейся де-факто. А затем крестьяне и власть вступили в период морально-психологической подготовки к рывку, который бы обеспечил партийно-государственной верхушке безоговорочную власть, а крестьянам — что-то смутно-утопическое, но без периодических голодовок и перманентного грабежа со стороны властей. Коллективизация могла показаться обеим сторонам не вполне тем, о чем мечталось. В результате ее сбылась мечта Столыпина: громада общины рухнула в одночасье. Страна оказалась завалена обломками, и для строительства нового общественного здания не было под руками другого материала. Советское общество восприняло от общины (коммуны) очень многое в области социально-экономического и духовно-культурного уклада повседневной жизни.

Один из мощных факторов отказа от нэпа был заложен в самой деревне. На уровне «средноты» было раздражение мироедством кулачества и готовность к тому, что «сверху» будет произнесено волшебное слово. И это слово было произнесено — коллективизация. От большинства крестьянства шли импульсы, которые были услышаны властью. У коллективизации не было альтернатив. Но это был не коренной перелом, а возвращение на круги своя. Одной из главных линий наследования стало вечное противостояние: крестьяне

(народ) — власть. Тоталитарная община рухнула. Следствием стало распространение тоталитаризма на все общество. Народ сохранил неписаное право применять повседневные скрытые формы сопротивления власти. В посткрестьянском обществе распоряжения властей реализуются в тесной увязке с тем, насколько рядовые граждане видят в них смысл и пользу. Реальные сдвиги происходят, когда политика власти совпадает с умонастроениями большинства. Когда расхождения слишком велики, большинство включает скрытое сопротивление, в результате которого законодательская инициатива политической элиты спускается на тормозах.

В.Б. Безгин. Мое выступление посвящено крестьянскому движению в Первой русской революции. Исследователи российского села не учли в полной мере фактор голода в аграрном движении 1905–06 гг. Уже во второй половине лета 1905 г. определился недород озимых и яровых хлебов в Воронежской, Тамбовской и Орловской губерниях. В 1906 г. неурожай охватил 14 губерний России, а Воронежская, Тамбовская и Орловская губернии были отнесены к местностям, находящимся в критическом положении. Наивысшего накала аграрные беспорядки достигли осенью 1905 г., несколько ослабли в период зимы–весны 1906 г. и вновь усилились летом. Зависимость ритма крестьянского движения от продовольственного обеспечения деревни очевидна. Угроза голодной смерти толкала на самые решительные действия. Не вызывает сомнения стихийный характер крестьянского движения. Это не противоречит утверждению о ведущей роли общины. В условиях социальной войны «мир» заявил о себе как о силе, способной мобилизовать массы на борьбу с помещиками и властью. В 1905–07 гг. в Европейской России было отмечено 21 513 крестьянских выступлений, из них 33,8% были осуществлены в форме разгрома дворянских усадеб. Крестьяне, по их собственным словам, громили усадьбы для того, чтобы выдворить помещика из деревни и не допустить размещения отряда карателей. Ведущая роль общины в аграрном движении стала для власти полной неожиданностью. В ее глазах произошло превращение общины из союзника в противника. Власть лихоградожно искала «подстрекателей», побудивших «смирных» крестьян к бунту.

Крестьяне охотно приняли эти правила игры. В ходе следствия в свое оправдание они указывали на действие неких «злонамеренных людей», объясняя свои деяния массовым помешательством. Либеральная печать охотно подхватила и растиражировала этот миф. Однако весь алгоритм погромов являлся выражением общинного уклада. Аграрные беспорядки удачно «вписывались» в календарь хлебопашца. Крестьяне пахали, сеяли, убирали — и при этом травили, жгли и грабили.

С.В. Карпенко. Я занимаюсь Белым движением на Юге России. Эту альтернативу мы сегодня проскочили и устремились сразу к коллективизации. Это, на мой взгляд, несправедливо. Уже было сказано, что власть крестьянство не понимает. Врангель столкнулся с этой проблемой. Он хотел осчастливить крестьянство и добиться его поддержки. Но выяснилось, что крестьянство не только не понимает, как хотят его осчастливить, но и понимать не желает. Более того, и земли больше не желает. Оно желает только мира и порядка. И чтобы его оставили в покое. Один из наблюдательных помощников Врангеля констатировал, что для крестьянства только та власть хороша, которая все ему дает и при этом ничего от него не требует. Когда врангелевские власти пытались выяснить настроения крестьян, то наткнулись на глухую стену. С ними никто не хотел разговаривать. В головах крестьян жили совершенно невероятные фантазии относительно того, что происходит. Главная проблема состоит в том, чтобы понять, что же крестьянин думает о власти. Я часто пытался это сделать, но все время при этом оказывался в тупике.

А.В. Чертишев. В XIX в. российская интеллигенция идеализировала русскую деревню. На рубеже XIX—XX вв. монархия видела в крестьянстве опору. Сегодня в подходе к крестьянству превалирует нечто вроде смиренного умиления. Оно считается идентифицирующей величиной России. Я попробую выделить некоторые архетипические черты российского крестьянства. Согласно Г. Успенскому, крестьянин находился под «властью» земли. Однако свидетельств того, что русский крестьянин любил землю, не существует. Крестьяне ориентировались на устоявшиеся авторитеты, не терпели несогласия с волей большинства. Любые инновации рассматривались ими как попытки

навязать им чужое мнение. Крестьянские интересы не распространялись за пределы круга обитания. Дореволюционная литература говорит об отсутствии у крестьян чувства принадлежности к судьбам страны, об их отгороженности от внешних влияний. Внешний мир для них представлялся как нечто далекое, чужое и маловажное. В религиозной жизни крестьянин проявлял много внешней набожности, но едва ли понимал духовный смысл веры. Следует заметить, что подлинной религией крестьян был фанатизм, ибо они везде видели Божью волю. Следует подчеркнуть синкретичность крестьянского сознания. Крестьянин мыслил конкретно и в личностных понятиях. Ему были недоступны понятия «государство», «общество», «нация», «экономика», «собственность» и др. Даже бунты были нацелены на конкретные объекты, а не на «строй» в целом. Крестьянин обладал слабо развитым понятием собственной личности. Коллектив был выше индивидуальных членов. Логика крестьянской политической философии была следующей: любая власть по природе крестьянину чужда и враждебна, но это данность, которую приходилось переносить, как болезнь, старость и смерть. Участие во власти для крестьян было неприемлемым. Они хотели присутствовать во власти на культурном, ментальном уровне. Идеалом для «человека земли» была Россия как море локальных миров, не обремененных никакой внешней обязывающей силой. В поисках этого идеала он был готов отвергнуть все несовершенное. Крестьянство нацелено на обеспечение выживания, но не на создание условий для развития. Сказанное не позволяет считать крестьянство цивилизационным фундаментом России. Крестьянство можно считать могильщиком Российской империи, ибо оно заключало в себе взрывной потенциал анархизма, который породил хаос, приведший к падению государства.

М.И. Ивашко. Необходимо обратить внимание еще на один аспект проблемы «крестьянство и власть». Я говорю о религиозности крестьянства. В 1913 г. в сельской местности России проживало 85% населения. Православие служило важнейшим регулятором социальных отношений, было духовным стержнем деревни, ключевым фактором, способствовавшим самосохранению крестьянства. РПЦ явля-

лась связующим звеном между властью и народом. Но религиозность русского крестьянина имела утилитарный, обрядовый характер. Однако и эта религиозность в начале XX в. снижается, что было вызвано модернизационными процессами и падением авторитета РПЦ в глазах крестьянства. Среди крестьян все больше было случаев проявления непочтительности к духовному сану, небрежности в выполнении церковных обрядов, проявления равнодушия к религии и т.д. «Народ-богоносец» перестал быть фундаментом власти и церкви. В советский период религиозное сознание явилось препятствием на пути распространения новой идеологии. Новая власть пыталась подорвать авторитет религии. Крестьянская Россия продолжала медленно терять религиозность. На протяжении 20-х гг. соотношение верующих и неверующих в деревне менялось. Представители старшего поколения сохраняли веру. Молодежь впитывала критическое отношение. И все же попытки советской власти искоренить религиозное сознание в 20–30-е гг. потерпели фиаско. Об этом свидетельствуют итоги переписи населения 1937 г. Верующих оказалось больше, чем неверующих — 56,7% против 43,3% от всех выразивших свое отношение к религии. 42,3% всего взрослого населения РСФСР (и 2/3 сельского населения) назвали себя православными. Среди причин устойчивости позиций религии среди крестьянства выделим верность традиции, коллективизм и поверхностность их религиозности.

Н.В. Асонов. Власть является инструментом реализации интересов господствующих политических и экономических сил. Если они ощущают поддержку крестьянства, то между ними существует консенсус. Если этой поддержки нет, то они используют все ресурсы для подавления оппозиции крестьянства. Во взаимоотношениях крестьянства и власти власть всегда субъект, а крестьянство — объект воздействия.

Термин «крестьянство» имеет историческую, географическую, экономическую и религиозно-идеологическую составляющую и появляется в период образования Московского государства. Попытка создать Киевскую Русь как православное государство провалилась. Когда на северо-востоке Руси предпринимается попытка создать новое православное государство,

основанное на заветах и традициях подлинного христианства, тогда и появляется термин «крестьянин-христианин». Произошло воцерковление социального статуса крестьянства. В обществе было понимание того, что крестьянин должен думать о Царствии Небесном, быть разумным аскетом и стремиться не к богатству материальному, а к богатству духовному. Крестьяне и власть понимали, что их главная задача — вести подлинно христианский образ жизни. Крестьяне видели, что власть борется за сохранение православия, спасает их душу и защищает их право на Царствие Небесное. Поэтому в средневековой Руси не было смут. Раскол между властью и народом происходит в период реформ Никона и Алексея Михайловича. Вот тогда началась эпоха крестьянских войн, бунтов, восстаний и революций. Народные массы перестали воспринимать власть как свою, как православную. Власть, ориентировавшаяся на ценности Запада, стала восприниматься в массовом сознании как сатанинская. В этом главная причина смут в России. Власть стала разрушительницей православного крестьянства. Все «аграрные реформы» XIX–XX вв. (отмена крепостного права при Александре II, разгром общин при П. Столыпине, раскулачивание и расказачивание, внедрение колхозов, создание совхозов при Н. Хрущеве) — вехи на пути раскрестьянивания страны.

А.И. Шевельков. Свое выступление я хочу посвятить политике государства в области сельского хозяйства в 1960–80-е гг. В то время крестьянам были возвращены паспорта, они получили право на гарантированную оплату труда и пенсионное обеспечение и т.д. Однако административно-командные методы руководства сельским хозяйством, антикрестьянская политика цен на сельхозпродукцию, диспропорция в планах, недостаточное финансирование аграрного производства, слабая техническая оснащенность хозяйств не позволяли вести устойчивое, рентабельное производство и улучшать материальное положение крестьян. В 1955 г. власти вернулись к практике госзакупок продовольствия, при которой хозяйства заставляли по низким ценам реализовывать большую часть произведенной продукции. В итоге хозяйствам не хватало семян, фуражного зерна и продукции для натуральной оплаты. Чем больше были объемы госзакупок, тем

больше хозяйства испытывали потребность в помощи государства. В 1958–60 гг. колхозы заставили досрочно выкупить технику МТС. В результате этой и ряда других мер за период 1958–63 гг. сумма недополученных доходов колхозов составила более 5,6 млрд руб. Это негативно отразилось на рентабельности производства и уровне жизни колхозников. Надежды на то, что после мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС хозяйства получат больше свободы в определении специализации производства, распоряжении выращенным урожаем, не оправдались. План не обеспечивал нужды государства. Многие хозяйства после выполнения установленного плана закупок не желали продавать зерно государству, а стремились оставить на собственные нужды. В результате во второй половине 60-х гг. государственные резервы хлеба резко сократились. Государство вновь прибегает к административным мерам, заставляя колхозы принимать повышенные обязательства по продаже сверхплановой продукции. Неэквивалентный обмен между городом и деревней являлся важнейшей составной частью государственного механизма изъятия дохода колхозов. Постоянно растущая финансовая зависимость колхозов позволяло государству диктовать не только ценовую политику. Вместе с тем государство пыталось решить эту проблему за счет преобразования колхозов в совхозы. Это привело к ухудшению экономического положения уже новых хозяйств, расходы на содержание которых ложились тяжелым бременем на государство. Совхозы «поглощали» основную часть финансирования сельского хозяйства. Увеличение финансирования не привело к росту производства и улучшению жизни на селе. Аграрная реформа конца XX в. привела к резкому падению сельхозпроизводства, деградации и повышению уровня смертности сельского населения и обострению проблемы продовольственной безопасности страны.

А.В. Третьяков. Больше 20 лет прошли с начала аграрной реформы, а 27 января 2011 г. произойдет передача юридически оформленных земель сельхозназначения в руки их новых реальных хозяев. По замыслам идеологов реформы она нацелена на возрождение у крестьян чувства хозяина. В колхозах и совхозах инициаторы реформ видели главное препятствие на пути бес-

печения продовольственной безопасности. В начале 90-х гг. была проведена идеологическая дискредитация и создан правовой механизм реорганизации колхозов и совхозов. В конце XX в. в стране были заложены основы нового земельного строя. Была ликвидирована госмонополия на землю, осуществлен переход к многообразию форм землевладения, произошло бесплатное перераспределение земли в пользу граждан, введено платное землепользование, основная часть сельскохозяйственных земель перешла в частную собственность, созданы объективные условия для оборота земли. Однако реформа не привела к ожидаемым результатам. Следствием стали разрушение хозяйственных связей в аграрном секторе, неэффективный передел собственности, развал социокультурной инфраструктуры села, снижение плодородия земли. Отсутствие финансовых возможностей и должных организационно-правовых условий не позволяли крестьянам организовывать фермерские хозяйства. Ликвидация крупных сельхозпредприятий оставила сельское население без работы. Паевая земля стала рассматриваться как обуза и возможность получить деньги на повседневные нужды путем сдачи ее в аренду или продажи. Земля уходит от крестьян. В полную силу идет процесс раскрестьянивания. Крестьянство уступает место безземельному батраку или просто наемному работнику.

Ж.Т. Тощенко. В сельском хозяйстве происходят процессы, имеющие огромные социальные последствия. Однако у современных исследований, посвященных сельскому хозяйству, есть один общий кардинальный недостаток – они мало уделяют внимания рассмотрению сознания и поведения крестьянства. Главной особенностью российского крестьянства является его парадоксальность. Как объяснить то, что именно крестьянство в наименьшей степени поддерживает передачу земли в частную собственность? По данным З.И. Калугиной, только 19,2% опрошенных крестьян согласны с тем, что земля должна быть предметом купли-продажи. Это объясняется рядом причин. Среди них: отсутствие господдержки сельского хозяйства, высокие налоги, незащищенность прав собственника, монополизм перерабатывающих, заготовительных и обслуживающих предприятий,

отсутствие социальных гарантий и т.д. Вот и получается парадокс: колхозы и совхозы – это прошлое, фермерство – будущее, а кормить людей надо сегодня. В то же время рынок заполняется сельхозпродукцией стран Запада, усугубляя и без того тяжелейшее положение российских сельхозпроизводителей. Этот парадокс имеет губительные последствия. С середины 1990-х гг. происходит сокращение числа фермеров. Идет процесс неоархаизации и натурализации крестьянских хозяйств. Сегодня 41% продукции сельского хозяйства производят сельхозпредприятия, 57% – личные подсобные хозяйства и только 2% – фермеры. Происходит профанация идеи собственности на землю. Произведенное в 90-е гг. разделение на паи собственности бывших колхозов и совхозов привело к запустению земель, резкому снижению поголовья скота и товарности сельского хозяйства, падению урожайности и массовой натурализации личного хозяйства сельских жителей. За эти годы почти на 30 млн сократились посевные площади, более чем на 50% сократилось поголовье продуктивного скота, на 40–60% сократился парк сельскохозяйственных машин. В 20 раз уменьшились капиталовложения в АПК и в 30 раз сократились объемы мелиоративных работ. Эти процессы не могли пройти бесследно для сознания крестьянства, породив и усилив его парадоксальность, проявившуюся особенно наглядно в коренном, основополагающем для крестьян вопросе – отношении к земле. В 1995 г. во время всероссийского опроса был задан вопрос: «Как Вы относитесь к созданию в Вашем районе крупных частных земельных владений?» Только 28% согласились на такую перспективу. Парадокс этот усугубляется тем, что на деле идет не внедрение рыночных отношений, а теневилизация и криминализация сельской экономики и широкое распространение лагифундизма. Ситуация осложняется отсутствием внятной государственной аграрной политики, в которой учитывались бы интересы не только новых собственников, но и крестьянина. Проводимые аграрные реформы не привели к формированию рыночного сознания и поведения. Опыт реформ 1990–2000 гг. убедительно доказал, что нельзя игнорировать мировой опыт и искусственно ускорять ход преобразований, игнорировать этнонациональные и региональ-

ные особенности, а также то, что научный и политический экстремизм, основанный на абсолютизации монетаристских методов, не может привести к успеху.

А.М. Никулин. Что представляют и что должны были бы представлять взаимоотношения крестьянства и власти в России? Об этом мне хотелось бы поразмышлять, поделившись в т.ч. впечатлениями от участия в конференции «Миссия российского крестьянства в формировании социального государства» (Белгород, 2009 г.). Участники ее разделились на 2 лагеря. Одни решительно заявили, что крестьянство осталось в прошлом. Другие говорили о том, что крестьянство все же существует, но его признаки растворены и рассеяны в современной жизни. Одно из классических определений утверждает, что крестьянство – это социальный слой, который ведет семейное хозяйство на земле в условиях местной общинно-деревенской культуры и находится в периферийно-подчиненном положении по отношению к государству. Сравним его с современным положением дел. У нас еще достаточно народа ведет семейное хозяйство на земле. Наши ЛПХ и дачи – это фрагменты прежнего семейно-крестьянского уклада. Но общинно-деревенская культура сохранилась в отдельных фрагментах. Лишь в маргинальном отношении к государству современные сельские жители очень схожи с крестьянами. Миссией крестьянства остается труд на земле, сохранение семейных и общинных ценностей культуры, обустройство сельских территорий и кормление города. Каким же должен быть отклик государства на эту миссию?

Стратегической основой белгородских аграрных реформ является развитие многоукладности, установление в агросфере справедливой цепочки цен от производителя к переработчику и продавцу, формирование социального кластера, стремление органично сочетать плюсы крупного и мелкого аграрного производства. До недавнего времени у всех на слуху были достижения белгородских агрохолдингов. В последние годы на Белгородчине успешно развиваются сельхозкооперативы, семейные фермы и ЛПХ. Здесь последовательно реализуется целый комплекс социальных программ, формирующих систему социального сельского кластера, в который входят школа и детсад, медицинские, досуговые и административно-

коммунальные учреждения, храм, органы правопорядка, благоустроенный парк и кладбище. Сегодня Белгородская область — не только успешный лидер аграрного производства России, но и территория демографического и социально-экономического роста села. Одна из причин аграрных успехов Белгородчины заключается в способности ее руководства сочетать в своих действиях память о культурном наследии с прагматически современными политико-экономическими решениями.

А.И. Фурсов. История отношений власти и народа в России — это, главным образом, история отношений власти и крестьянства. С конца XVI и до конца XVIII в. хватка власти на крестьянском горле становилась все более жесткой. Начиная с эпохи Павла I, социально-юридическое положение крестьян улучшается. Но уже с начала XIX в. Центральная Россия начинает ощущать аграрное перенаселение. Экономическое положение крестьянства ухудшается. К началу XX в. мелкое крестьянское землевладение себя исчерпало. Переход к крупному землевладению был неизбежен. Попытка П.А. Столыпина создать крупное индивидуальное землевладение провалилась. К 1920 г. крестьяне вернули в общинную собственность более 90% земли. В 1921 г. большевики вынуждены были ввести нэп. Впрочем, В.И. Ленин еще в 1921 г. предупреждал о возможности возврата к террору. В 1929 г. так и сделали. У коллективизации были советский, русский исторический и мировой аспекты. Начну с советского аспекта. Советский режим не мог допустить существования огромного слоя земельных собственников, обладающего своей формой социальной организации. Кто-то может сказать: колхозная форма не была государственной. В реальности она была компромиссом, который должен быть изжит. В 1930-е гг. режим решал задачи, не решенные самодержавием. Коллективизация решила аграрный вопрос путем раскрестьянивания, т.е. превращения крестьян в государственных работников. Освобождение крепостных превратило внеэкономические производственные отношения в экономические. Внеэкономические производственные отношения решали задачу социального контроля. В Западной Европе торжество экономических производственных отношений породило такие

формы социального контроля, как государство, политика, гражданское общество, репрессивные структуры повседневности. Пореформенная Россия ничего такого не изобрела. С «уходом» внеэкономических производственных отношений сфера социального контроля просела. Самодержавие утратило контроль над населением. Любой постсамодержавный режим должен был решить эту проблему. Большевицкий режим решил ее с помощью новой социальной организации, за которой стояли идеалы справедливости и мощный репрессивный аппарат. Без этого существовать в XX в. было невозможно.

Курс на строительство социализма «в одной отдельно взятой стране» требовал преодоления крестьянского локализма и создания «национальной целостности». Без коллективизации и без решения вековых проблем русской власти и народа уход от интернационал-социализма был невозможен. Жестоко проводилась коллективизация? Жестоко. Но у этой жестокости есть два аспекта: жестокость власти по отношению к народу и жестокость одной части народа по отношению к другой. Что касается жестокости власти, то можно ли представить себе радикальное изменение жизни бытия огромной массы, столетиями привыкшей жить отдельно от государства, по-хорошему? Нет. Можно ли представить себе великий перелом без поддержки его, как минимум, половиной деревни? Нет. Власть включила в себя внушительную часть крестьянства. Она запустила процесс, а дальше он начал развиваться по логике, определяемой вековыми традициями, народным бытом и характером. Разбухшая народом власть обрушилась на другую часть народа — безвластную. Была ли у крестьян своя социальная правда? Была. Но она столкнулась с «красной правдой», на основе которой только и можно было решить проблемы России. Раскрестьянивание — одна из русских трагедий XX в. Но ее плоды обеспечили русским победу в войне. Крестьянская Россия не выжила бы в жестокой мировой борьбе XX в. Выжить могла только советская Россия.

В.П. Буддаков. Практически вся письменно обозримая история связана с аграрными обществами. Аграрные общества в прогрессе не нуждаются. Они живут по принципам производственно-потребительского баланса. Главная проблема для

них — проблема выживания. Цикличность аграрного производства порождала голод, эпидемии, войны и социальные кризисы. Мы же все еще пребываем во власти формационных фетишей и льем крокодиловы слезы по поводу «раскрестьянивания» России, забывая о том, что государство и элиты всегда жили за счет крестьянства. Существование самих крестьян зависело от природы, а отнюдь не от власти и бюрократии.

На крестьянстве откровенно паразитируют обществоведы. Для них крестьянство переместилось в «виртуальную» плоскость: с ним можно экспериментировать как угодно. Возникает опасение, что схожая судьба ожидает прошлое в целом. Понять историю невозможно без понимания того, что дорога к «прогрессу» вымощена костями людей, далеких от ясного осознания ее необходимости.

Крестьяне тяготели к натуральному хозяйствованию, а стоящие над ним верхи требовали прибавочного продукта. Государство может управлять аграрным производством только при условии, что оно обеспечит ему инфраструктуру, позволяющую реализовывать прибавочный продукт и неуклонно расширять производство. В противном случае оно само становится заложником «косного» крестьянского большинства. Этого российские верхи никогда не могли обеспечить по причинам объективного характера. Субъективные факторы (от геополитических до идеологических) постоянно провоцировали верхи на то, чтобы не считаться с самой природой аграрного производства. Российские элиты и традиционалистские низы всегда пребывали в разных культурных измерениях. Более того, власть упорно навязывала элитам особый язык: во времена Александра I в законодательных актах появился термин «гражданское общество», а, между тем, русский крестьянин знал только свое сельское «общество». Отсюда масса старых и новых мифов. К примеру, считается, что перед революцией русское крестьянство «кормило пол-Европы». Это типичный миф нашей «потребительской» современности. Во-первых, русское низкосортное зерно закупалось европейскими странами для реэкспорта в колонии. Во-вторых, производство экспортного зерна носило анклавный характер: решающую роль играла возможность

вывоза из черноморских портов; соответственно, оно успешно развивалось лишь на Юге России. В-третьих, экспортная хлебная торговля была сосредоточена в руках иноэтнических элементов. Необходимая модернизационная связка между сельским хозяйством и торговлей отсутствовала. Основную массу товарного зерна давали перед революцией «столыпинские» земельные собственники. Между тем, в годы Первой мировой войны произошло стремительное возвращение отрубников и хуторян в деревню, а большевистская «борьба с кулачеством» окончательно подорвала товарность российского сельскохозяйственного производства.

Однозначно оценивать поведение крестьянства и отношение к нему власти нельзя. У власти свои задачи, у крестьянства — свои. Другое дело, что в определенные периоды власть перестает понимать интересы крестьянства. Чем это заканчивается, объяснять подробно не надо. Взаимоотношения власти и крестьянства везде и всегда складывались очень сложно. Происходит это потому, что крестьянство старается жить по своим законам, а у власти свои сугубо конкретные проблемы. Она должна себя обеспечить. Крестьянство хорошо знает повадки власти. Политику и веру крестьянство оценивает сугубо прагматично. Вот это нам подойдет — хорошо, а вот это нам не подходит — долой, ату его! А.С. Пушкин совершенно несправедливо определил крестьянский бунт как «бессмысленный и беспощадный». Бунт — это природный язык крестьянства и единственный способ его взаимоотношения с властью, минуя бюрократию. Россиянин всегда склонен бунтовать против «мироедов», чиновников и даже государства — увы, во имя воображаемой власти. В поисках несбыточного идеала (для крестьянина государство — сакральная величина, потеснившая Бога) он готов отвергнуть все несовершенное. Поэтому сегодня сверху навязчиво внушается мысль о коллективной готовности россиян терпеть любую власть.

Общесовициализационная проблема взаимоотношений города и деревни в годы «красной смуты» превратилась в социокультурное противостояние, выливающееся в акты настоящих походов друг против друга. Итог неоднозначен: сталинская коллективизация привела к тому, что

деревенская психоментальность затопила города. Характер рекреационного выхода из системного кризиса был предопределен психоментальностью подавляющей крестьянской массы. Теория возникновения «порядка из хаоса» предполагает наличие аттракторов, притягивающих распыленную социальную массу. Их роль сыграли большевистские вожаки, больше напоминающие предводителей казачьей вольницы, нежели политических лидеров. С их помощью происходит восстановление отношений власти — подчинения, разорванных в точке бифуркации. В любом случае «секрет» утверждения сталинской деспотии следует искать не в диктаторских качествах «вождя», а в возникновении между ним и бунтующей, но «косной» массой временных коммуникативных связей и связей архаичного (дополитического) типа. На их основе возникает подобие коммуникативного разума, который избавляется от избыточной пассионарности в лице всевозможных диссипативных элементов. Все это и обеспечивает генетическую преемственность между докризисным и посткризисным состоянием системы. Этот фактор действует до сих пор.

Всякая российская смута характеризуется снижением общесовременных стереотипов до деревенского уровня. Наша современность пронизана крестьянской ментальностью в ее колхозно-деформированном виде. Если известно, что в крестьянской среде насилие считалось наиболее действенным регулятором взаимоотношений и внутри общины, и вне ее, то стоит ли удивляться, что весь XX в. в истории России оказался пронизан насилием. Мы зависимы от крестьянской психоментальности даже в сфере массовой культуры. Какая-нибудь гла-

мурная «звезда», «фанерным» голосом сообщающая о любовных страданиях современности, не подозревает, что невольно копирует повадки деревенской девки. Вся нынешняя сексуальная раскованность лишь воспроизводит коллизии сеновального распутства. Разница лишь в том, что в свое время подобное непотребство прикрывалось фиговым листком деревенского ханжества.

Крестьянин — не просто кормилец любой цивилизации, но и протоэтнос, и культурная матрица, и своего рода напоминание о будущем. У нас на глазах мир превращается в «большую деревню». Глобальная транспарентность делает человека зависимым от «косного» большинства; миром, похоже, будет управлять не мировой разум, а коммуникативная беспомощность массы, лишившейся естественной среды обитания. Нынешнее постмодернистское поветрие может стать возвратом в предмодернистское прошлое. И в этом не будет ничего удивительного: прошлое по-прежнему мстит за забвение своих уроков.

О.Г. Буховец. Уважаемые коллеги, почему у меня спокойное, оптимистическое отношение к итогам круглого стола? Потому что уж очень необъятным, многомерным является объект нашего сегодняшнего обсуждения. Это действительно «Великий Незнакомец».

В заключение хочу еще раз отметить, что два прошедших в рамках проекта «Народ и власть: история России и ее фальсификации» международных круглых стола преимущественно связаны. И то обстоятельство, что организаторы целенаправленно идут по намеченному пути, позволяет положительно и с удовольствием оценивать итоги прошлогодних и сегодняшних дискуссий. Спасибо за внимание.